

1200
194156

Министерство образования Республики Беларусь
Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка

**СЛОВО В ДИАХРОНИИ
И СИНХРОНИИ**

Сборник научных статей
к 80-летию заслуженного деятеля науки Беларуси,
доктора филологических наук, профессора
МИХАИЛА ГАПЕЕВИЧА БУЛАХОВА

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ

Минск 1999

НАЦІЯНАЛЬНАЯ
БІБЛІАТЭКА
БЕЛАРУСІ

Печатается по решению редакционно-издательского совета
БГПУ им. М. Танка

Редакционная коллегия: Л.И. Бобринева, А.М.Бордович (отв. редактор),
И.П.Кудреватых (секретарь), В.В.Тиколович

Рецензент: А.П.Груцо, доктор филологических наук, профессор

Настоящий сборник посвящен юбилею видного ученого и педагога Михаилу Гапеевича Булахова. Он включает статьи ученых Беларуси, Украины, России, Польши, Австрии по вопросам фонетики, лексики, грамматики, тилистики, в том числе исследования, посвященные одной из ключевых задач современного языкознания – сопоставительному изучению процессов функционирования славянских и других языков индоевропейской группы.

Издание адресовано научным сотрудникам, преподавателям вузов, аспирантам, студентам филологических специальностей.

Hermann Bieder (Salzburg)

Zur Abgrenzung der weißrussischen und ukrainischen Dialekte
auf dem Gebiet des weißrussischen Westpolessien

1. Sprachwissenschaftliche Erforschung Westpolessiens

Die Erforschung der Abgrenzung der Dialekte der ostslav. Sprachen und deren innere dialektale Gliederung wurde in großen Zügen schon um die Jahrhundertwende durchgeführt, in der Zwischenkriegszeit dann fortgesetzt und in der Nachkriegszeit nur mehr in Einzelheiten präzisiert. Die meisten Detailuntersuchungen zu den poln. Dialekten im speziellen erschienen dagegen erst nach dem Zweiten Weltkrieg.

Bereits 1903 erarbeitete J.F. Karski eine Karte der weißruss. Dialekte unter dem Titel *Etнографічэская карта беларускага племені*, die 1917 und 1918 fast unverändert nachgedruckt und auch im *Dyjalektalahačy v. t. as belaruskaj movy* (Avanesau, 1963, VII) reproduziert wurde. Karski teilte auf dieser Karte das weißruss. Sprachgebiet in sechs Dialekte, die er zu zwei Dialektgruppen, die nordöstliche und die südwestliche Dialektgruppe, zusammenfasste. Phonetische Kriterien für die Abgrenzung der weißruss. Dialekte waren die Erhärtung von historischem *r'* und die Existenz verschiedener *akanne*-Typen. In der Folge wurde Karski nicht zu Unrecht vorgeworfen, daß er auf seiner Karte nur einige wenige Merkmale der weißruss. Sprache berücksichtigt und keine ethnisch gemischten Regionen eingezeichnet hatte. Auf Karskis Karte verläuft die südliche Grenze der weißruss. Dialekte von Westen nach Osten auf der Linie Bialystok – Belaveža – Pružany – Bjaroza – Kosava – Lening – Turau – Petrykau – Mazyr – Ljubeč – Novgorod Seversk. Karski rechnete also das südwestlich von dieser Linie gelegene Westpolessien mit den Städten Brest, Pružany, Pinsk nicht zum weißruss., sondern zum kleinruss. (ukrain.) Dialektgebiet.

N.N. Durnovo, N.N. Sokolov und D.N. Ušakov, Mitglieder der Moskauer Dialektologischen Kommission, verfaßten 1914 eine Dialektkarte aller in Europa gesprochenen ostslav. Sprachen, die unter dem Titel *Opyt dialektologičeskoj karty russkogo jazyka v Evrope s priloženiem očerka russkoj dialektologii* in 1915 in Moskau erschien und ebenfalls im Weißruss. Dialektatlas (VIII) nachgedruckt wurde. Diese Dialektkarte, die sich nur unwesentlich von Karskis Karte unterscheidet, zieht die Grenze zwischen den weißruss. und ukrain. Dialekten auf der Linie Bialystok – Slonim – Mazyr – Horodnja – Novgorod Seversk. Zwischen dem kleinruss. und weißruss. Dialektgebiet ist ein schmaler Streifen von kleinruss.-weißruss. Übergangsdialekten eingezeichnet. Auf diese Weise wird das ganze Westpolessien als kleinruss. Dialektgebiet ausgewiesen.

In der Zwischenkriegszeit wurde an der weiteren Präzisierung der Dialektgrenzen der ostslav. Sprachen gearbeitet. In E.F. Karskijs Handbuch der ostslav. Dialekte *Russkaja*

4. Караулов Ю.Н.: Ассоциативная грамматика русского языка. М., Наука, 1993.
5. Киклевич А.К.: Ассоциация, сочинение, паратаксис // Веснік Беларус. ун-та, IV, 1986, № 1, 49-53.
6. Киклевич А.К.: Модальность в семантике кванторных слов // Jachnow H. et al. (eds.) Modalität und Modus. Allgemeine Fragen und Realisierung im Slavischen, Wiesbaden, 1994, 91-113.
7. Киклевич А.К. Аб формах сістэматыкі і мовазнаўстве // Веснік БДУ, IV, 1996, № 2, 50-55.
8. Мурзин Л.Н.: Основы дериватологии. Пермь, 1984.
9. Норман Б.Ю.: Грамматика говорящего. Санкт-Петербург, 1994.
10. Прияткина А.Ф.: Синтаксическая связь и соотношение // Русский язык в школе, 1979, № 5, 102-105.
11. Чесноков П.В.: Два типа взаимодействия синтаксических единиц // Содержательные аспекты предложения и текста. Калинин, 1983, 46-52.
12. Шведова Н.Ю.: Активные процессы в современном русском синтаксисе. М., Наука, 1966.
13. Bretschneider G.: Koordination und syntaktische Komplexität. Zur Explikation eines linguistischen Begriffs. München, 1978.
14. Gramatyka współczesnego języka polskiego. Składnia. Warszawa "PWN", 1994.
15. Karolak S.: Interpolacja, interpretacja i analiza semantyczna // Biuletyn PTJ, XXVI, 1968, 139-152.
16. Kiklevich A.: Die normative Modalität im Inhalt von Nullzeichen // Zeitschrift für Slavistik, Bd. 43, 1998, H. 1, 81-93.

И.П.Кудреватых (Минск)

ИНТЕГРАТИВНО-ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ БЛОКОВ ИНФОРМАЦИИ В СТРУКТУРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Текст – это система логических связей и отношений между понятиями, находящихся внешне, грамматическое подтверждение в определенных структурных моделях языка. Синтаксической единицей, наиболее полно отражающей логико-грамматическую структуру текста и те отношения, которые складываются между лексико-семантическими (внутренними) и формально-грамматическими (внешними) характеристиками как микротекста, так и целого речевого произведения, является блок информации (в дальнейшем БИ). Отношением ядерного строения БИ является ядро (или доминанта), коцент, являющееся основной смыслом всей текстовой единицы. Ядро может репрезентироваться словом, словосочетанием, предложением и группой предложений, то есть языковыми единицами, имеющими коммуникативную значимость. БИ имеет четко очерченные границы: это отрезок текста, характеризующийся наличием начала информации, ее развития и завершения. БИ – промежуточная единица между СФЕ и текстом. Дистантно расположенные БИ, несущие одну микротему, образуют тематическое единство, которое обеспечивается тремя видами когезии: семантической, синтаксической и стилистической. Максимальная степень связности достигается тогда, когда внутренне выражение отношений подтверждается внешними, формально-грамматическими средствами. При частичной когезии связь либо только внутренняя, понятийная, при отсутствии внешних маркеров, либо, наоборот, только грамматическая. В последнем случае определяю-

щим является пресуппозиция, подтекст, устанавливающие когезию на глубинном уровне. Таким образом, БИ синтаксически оформляет смысловые отношения, являясь маркером делимитации текста.

Сопоставим структуру повести и рассказа с целью определения модели логико-смысловых отношений, маркируемых грамматическими и стилистическими характеристиками языка.

Рассказ – это малая форма эпической прозаической литературы (3, 142). Информация его предельно сжата, лаконична. Но при кажущейся внешней простоте рассказ имеет сложную внутреннюю структуру: размеры его произвольны, и это определяет смысловую и грамматическую насыщенность; при минимальном объеме – отсутствие фонового окружения ядра, в чем заключаются трудности его выделения, иногда мало ответвлений от доминанты, часто отсутствуют парадигматические связи между составными единицами. Таким образом, рассказ – наиболее яркий образец «нарушений» и смысловой, и формально-грамматической структуры языка. И тем не менее связь периферийных ядер с доминантой характеризуется разнообразием, внутренние отношения в большинстве случаев подтверждаются формальными средствами. Поэтому интересно проследить пути формирования информации текстов малых форм, особенно рассказа, который в структурном отношении может представлять собой один блок, но с большим количеством смысловых центров. Взаимодействие лексики и грамматики, внутреннего и внешнего в повести и рассказе создают отличную от романа схему отношений структурных единиц.

Связь глубинной и поверхностной структур текста являются следствием взаимодействия языка и мышления. Подобно тому, как мышление диктует выбор языковых средств, глубинная структура текста является определяющей при грамматическом выражении денотатов. В то же время сами языковые факты регулируют отношения между понятиями, актуализируя понятийное строение текста. Проиллюстрируем это на примере рассказа В.Белова «Бобришный тор». Главная мысль произведения – «человек счастлив, пока у него есть родина». Выраженная в форме предложения, она повторяется дважды при дистантном расположении, наполняя различным значением слово *родина*: человек начинается с малой родины – с родного дома, с родного очага, – которая позже перерастает у него в чувство большой Родины. Проследим, в какие логико-синтаксические и стилистические отношения вступают дискретные единицы, формирующие связный текст.

Сема счастья обуславливает ассоциативную связь между единицами текста, понятийная значимость ядер одинаковая, то есть устанавливается семантическое тождество понятий, своего рода поля-синтагмы: счастье – это Родина, родная земля, вечная природа, лесная свобода и т.д. Каждое ядро является обобщением определенной информации – проецирующей части, выступающей как определяемое и находящей подтверждение в синтаксических показателях определяющих. Так, значение первого ядра подтверждается субстантивными словосочетаниями: *могучий ток неслабистой реки, Млечный путь далекого деревенского детства, гармония широкого засыпающего леса, теплые ельники* и т.д. Значение второго ядра конкретизируется уже предложением: *Земля моя родная; Так беден наш язык, когда пытаешься говорить о сокровенном*. Их смысловая значимость находит и внешнее подтверждение: рематическое подлежащее (*Родина, земля моя родная*), представляющее референтно-корреферентную синонимию, является средством выражения самой тесной когезии ядер. Третье и четвертое ядра уже в самой структуре предложений, в це-

почке родительного и творительного падежей содержат конкретизацию понятия *счастье*, которое ассоциативно связывает их с доминантой рассказа, причем, грамматическую зависимость третьего ядра маркируют грамматические отношения: так, в доминанте корреляцией семы счастья является предикат *счастлива*, в третьем ядре – субъект *счастье*, выступающие в обоих случаях темой сообщения. Таким образом, по отношению к выделенным ядрам, доминанта – это субъект, сконцентрировавший в одно объемное понятие семантику отдельных элементов, связующее ядро, объединительная функция которого проявляется в установлении семантического тождества проецирующей и комментирующих частей рассказа. Следовательно, степень когерентности текста максимальная: семантическая (интерпретация денотатов определяет логическую валентность, аргументирующую семантическое тождество понятий), синтаксическая (связь эксплицирована референтно-корреферентной синонимией) и стилистическая (языковые средства соответствуют ситуации общения).

Средством связи ядер в рассказе может выступать референтно-корреферентная синонимия. Например, в рассказе «Прежние годы» В. Белова доминантой выступает предложение «Они начали вспоминать и говорить о том, что вспоминалось» со значением начала действия. Зависимые ядра также представлены предложениями: «Чего уж теперь... вспоминать прежние годы»; «Они все говорили и говорили о прежних годах»; «Да мало ли возникает всяких дум у пожилого человека, особенно если вспомнить молодость и прежние годы». Между доминантами и аргументирующими частями устанавливается семантическое тождество (*вспоминать* --- *вспомнить* *прежние годы*, *говорить* *о* *прежних годах* – *вспомнить* *молодость* *и* *прежние* *годы*), которое эксплицируется референтно-корреферентной синонимией. Формально-грамматическое и семантическое ядро в данных структурах совпадает, глагол принимает фразовое ударение на себя, поэтому отсутствие объектной именной формы в составе доминанты не влияет на смысл. Наличие падежной формы имени при глаголах в зависимых ядрах не характеризуется новизной информации. В данном случае эти формы избыточны.

Однозначное толкование текста или его дискретных единиц является результатом осмысленного выбора существующих в языке реальных из системно-организованной их совокупности, предпосылкой коммуникативного акта, так как подлинная природа языковых явлений устанавливается только в контексте. Ведь каждая языковая единица содержит в себе момент неопределенности – общее, с одной стороны, и индивидуальное, с другой. Поэтому только в контексте можно определить истинную природу общего через отдельное и, наоборот, отдельное через общее, то есть вступает в силу логическая валентность, когда тематически разнородные понятия устанавливают ассоциативно-семантические связи, мотивированность которых основана на общности внутренней структуры.

В рассказе «Весна» В. Белова ядра связаны с доминантой семантическими отношениями контрарности. Семантика ядерных структур отражает единое значение – горе, которое эксплицируется различными способами: оценочными структурами предложений, особыми грамматическими формами (употреблением компаратива, отрицательных и утвердительных конструкций). Когнитивная функция соединительных отношений, которые складываются между единицами, проявляется в семантическом потенциале каждой лексической единицы как элемента парадигматического ряда, «структурные и функциональные характеристики оказываются ... соотносенными, а сам структурно-функциональный

аспект значения – тесно и непосредственно связанным с содержательным аспектом определения лексического значения как специфически языковой формой отражения действительности» (2, 87). Так, семантика существительного *беда* мотивирует употребление сравнительной степени прилагательного (*глаза стали большие, печальнее*), безличную структуру предложения *Никого у него не осталось*. Денотаты прилагательных *трудная*, *затяжная* определяют внутреннее и внешнее строение предложения *А как жить будем?* и т.д. Семантико-синтаксическими сигналами связи ядер выступают и слабое управление глаголов, и наличие детерминирующих элементов: *в колхозе, от голода, от горя, никого у него*. Но если основное значение ядер – горе, то семантика доминанты рассказа противоположна, так как несет в себе значение надежды, веры, которая заключена в глаголах (*надо жить, сеять, дышать, ходить*). Отношения контрарности маркируются безличной структурой, указывающей на обобщенный смысл. Как отмечает Л. А. Ногалова, различная в количественном и качественном отношении активная валентность является существенным и объективным показателем дифференциации значений многозначного слова» (2, 207). Эти значения полнее раскрываются в контекстах, построенных на отношениях контраста, противоречия, антитезы, тем самым расширяя дистрибуцию слова.

Смысловые отношения контрарности складываются и в рассказе Ю. Казакова «Некрасивая». Доминантой выступает сверхфразовое единство: «Она вдруг увидела презрительную красоту мира, и как, медленно перечеркивая небо, валились звезды, и ночь, и далекие костры... и добрых людей возле этих костров и то, что вела уже усталую, покойную силу земли. Она думала о себе, что она все-таки женщина, и что, как бы там ни было, у нее есть сердце, есть душа, и что счастлива будет тот, кто это поймет». Внутри проецирующей части между компонентами складываются логические отношения пересечения (усталая сила земли), внеположенности (*валились звезды*), отношения конъюнкции. Реляционная грамматика соответствует тем референциальным отношениям, которые сложились между языковыми единицами и объектами внешнего мира: значение «неожиданное открытие окружающей красоты» эксплицируется видо-временным формами глаголов и лексическими единицами, соотносительными с данной ситуацией (*вдруг увидела, почувствовала*).

В качестве аргументирующих выделяем следующие структуры: 1) «*Всем было весело, только Соне было тяжело, тоскливо на душе... что никто ее не замечает... все в этот вечер влюблены в друг друга, и только в нее никто не влюблен... Она знала, что некрасива... и столько раз давала зарок не ходить на вечера... но каждый раз не выдерживала и шла, все надеясь на какое-то счастье*». 2) «*Соня думала о своей жизни, презирала этих довольных и счастливых... и ждала себя*». Оппозиция эквиполентности является основой в формировании отношений между компонентами, когнитивная функция которых эксплицирована антонимиями, вводящими контрастные признаки: *весело – тяжело, тоскливо; все влюблены – в нее никто не влюблен; презирала – ждала себя; давала зарок не ходить – каждый раз шла*. Таким образом, между собой ядра связаны отношениями контрарности, грамматическим выражением которых являются видо-временные показатели глаголов – несовершенный вид и прошедшее в значении постоянного признака выступают следствием семантической соотносительности ядер.

Оппозиция эквиполентности устанавливается и в отношениях смысловых центров с доминантой, и не только внутренняя, но и внешняя: несовершенный

вид глаголов в значении постоянного действия в зависимых ядрах и совершенный вид в доминанте (*увидела, почувствовала, подумала*), имеющий значение результативности, которое контрарно предыдущему, а также винительный падеж референтов, называющих внутреннее состояние (*увидела пронзительную красоту мира, далекие костры, добрых людей; почувствовала усталую, покойную силу земли*), прономинальность как средство когезии (*Соня -- она*). Следовательно, между аргументирующими и проецирующей частями устанавливается не только тесная внутренняя связь, но и почти полная соотносительность грамматических единиц, то есть степень когерентности максимальная. «Чем больше текст когерентен, тем более полно он воспринимается; и наоборот, чем меньше он когерентен, тем менее он «читаобен» (1, 61).

Сопоставим отношения между ядерными структурами в рассказе и между БИ в повести. Главная тема повести Б.Можаява «Саян» — характеристика героини — представлена следующими единицами: 1) *Девушка она была исполнительная, в деле строгая (с.18)*; 2) *Цветы цветам рознь... иные всю жизнь цветут. Так, между прочим, и люди (с.33)*; 3) *Она была похожа на молодого орленка*; 4) *Почему она счастье свое должна начинать сделкой со своей совестью? (с.56)*; 5) *Видно, крепость в ней особая — становой хребет (с.74)*. Характеристика главной героини осуществляется не только через ее поступки, размышления, но и через оценку других героев. Ядра БИ находятся между собой в отношениях дизъюнкции, так как компоненты их принадлежат к разным семантическим полям. Но, поскольку все ядерные структуры представляют собой характеристику человека, они связаны соединительными отношениями. Когнитивную функцию выполняет субъект, маркером внутренних отношений служит прономинальность (*девушка — она — в тебе*). Выстраивается цепочка характеристик: исполнительная, строгая — деятельная — энергичная — бескомпромиссная — волевая. Соединительные отношения выражены имплицитно — наличием доминирующей коммуникативной целеустановки в соответствии с коммуникативной задачей всего текста: характеристика человека в его взаимоотношениях. Способ грамматического выражения ядер одинаковый — двусоставные распространённые предложения с дистантным расположением субъекта и предиката. В первом БИ существительное *девушка* выступает в качестве субъекта всего текста, то есть происходит несовпадение грамматического субъекта с семантическим. Это детерминирующий субъект всей повести. Он более прозрачный, более видимый, более осязаемый, по сравнению с романом, что связано с особенностями жанра: объемом, меньшим количеством тематических линий (далее ТЛ). Грамматическими организаторами данной ТЛ является также синтаксическая правильность построения ядер, то есть наблюдается их грамматическая соотносительность.

В повести, как и в романе, прослеживается ряд ТЛ, которые, вступая в отношения с другими тематическими единствами, образуют сюжетные линии. Но, в отличие от романа, интегративно-парадигматические отношения как условие когерентности текста складываются в повести несколько иначе, то есть общего БИ для всех ТЛ нет; они связаны между собой или прямо, или опосредованно — наличием единого для двух ТЛ блока информации, либо эксплицитно, либо имплицитно. Кроме того, повесть не характеризуется тем обилием видов связи и отношений между понятиями, которые мы выделили при анализе романа. Это объясняется не только объемом, но и особенностями языкового строя. В данном случае, поскольку в основе текста лежит характеристика человека, оппозиция дизъюнкции является фундаментом, на котором строятся внут-

ренние отношения между БИ. Формально-грамматическая когезия устанавливается, как правило, через субъект действия.

Проанализируем еще одно произведение. Основная тема повести В.Белова «Привычное дело» — тема родины, радостное ощущение жизни, кровная связь людей с природой. Она представлена пятью БИ. Тематически родственные понятия БИ маркируют отношения включения, отношения рода и вида, или гипонимии (природа — это родничок, солнце, жизнь, душа), с дистантным повторением значений, и составляют единое функционально-семантическое поле. Все БИ связаны содержательно-семантической когезией, так как внутренняя мотивированность основана на содержательном сходстве языковых единиц.

Ядра БИ представлены предложениями (*Родничок был не велик и не бо-ек... Вода была так прозрачна; «Жись. Везде жись... Жись, она и есть жись»; «Жив, значит, родничок, не умер... Вот так и душа: чем ни заманивай, куда ни завлекай, а она один бес дамой поворота и вае...»; «Лучше было родиться, чем не родиться»; «И нет конца этому крувоухоту... Конца нет и не будет... Жизнь. Такая жись»*), но отношения между компонентами в БИ различные: в первом БИ глаголы, являясь грамматической основой конструкций, десемантизируются, уступая место именам, семантическая емкость которых дает возможность выразить тончайшие оттенки как конкретных, так и абстрактных значений. В остальных случаях грамматическая функция глагола совпадает с коммуникативной, то есть номинация и актуализация сообщений заключены в семантике глаголов. Последнее, ввиду дистантного расположением компонентов является доминантой всей повести. Выделенный смысловой центр выступает как определяемое, и доказательством его выделения в качестве доминанты подтверждается синтагматическими (внутри БИ) и интегративно-парадигматическими (между БИ) отношениями определяемого и определяющих. В качестве определяющих употребляются определенные сочетания (*все время, каждый день*), глагольные формы (совершенный вид будущего времени со значением непрерывности *пойдет, растет, опустится, улетит, остынет и т.д.*). То есть данное значение передается заглавным тематическим выделением слова *жись* с категорическим значением непрерывности и затем конкретизируется в глагольных формах, через которые с помощью префиксации, фазисных глаголов, наречий выражается повторяемость действия.

Таким образом, смысловая интеграция текста полностью подчиняет себе структурную. отношения включения устанавливают ситуативную связь БИ, так как лексемы, составляющие блоки, входят в одно ситуативно-содержательное поле. ТЛ главного героя повести построена на параллелизме отношения к жене, детям, природе, и, наконец, к жизни. Но эксплицитная грамматическая связь отсутствует, внутренняя зависимость устанавливается, как и в предыдущей повести, через субъект действия, а также через дистантное повторение ядра *«Жись, она и есть жись»*, которое является доминантой всей повести, ее определяемым.

Анализ отношений ядерных структур в рассказе позволил выделить следующие типы внутренней когезии и способы ее репрезентации внешними (грамматическими) средствами языка:

1. Отношения тождества понятий: репрезентация данных отношений осуществляется не только на смысловом уровне, но и на уровне грамматики: это лексический повтор, употребление местоимения в качестве актуализатора тождества, референтно-корреферентная и контекстуальная синонимия, метафорическая и синтактико-семантическая синонимия.

2. Отношения смыслового различия понятий:

а) отношения включения – ситуативная когезия: понятия могут быть контрадикторны, хотя экспликация отношений может отсутствовать. Их наличие устанавливаем по корреляции членов оппозиции привативности;

б) отношения исключения, внеположенности (в основе оппозиция дизъюнкции) – ассоциативная когезия: мотивированность соединения различных понятий устанавливается по сходству действий. Внешние показатели связи отсутствуют, когезия только релятивная;

в) пояснительные отношения – ситуативная когезия: каждая последующая доминанта дополняет уточняет информацию предыдущей. Данные отношения могут быть представлены референтно-корреферентной синонимией, соотносительностью видо-временных форм глаголов;

г) отношения пересечения – ситуативная когезия: они репрезентируются с помощью вторичной номинации – подтекста. С одной стороны, информация БИ или доминантных структур частично совпадает, с другой стороны, присоединяется новый смысл, который конкретизирует известную информацию. Если понятия комплементарны, при отношениях пересечения можно установить причинно-следственную когезию, если объемы понятий противоположны, контрарные отношения.

Рассказ может характеризоваться наличием двух доминантных структур, при условии контрарных отношений между ними. Парадигматическая зависимость периферийных ядер с доминантой в рассказе более тесная, чем в романе, и, как правило, почти всегда подтверждается и грамматически. Более того, для рассказа, как и для романа, свойственна избыточность информации, несмотря на его объем.

В проанализированных повестях основными видами когезии БИ являются отношения включения, присоединения и соединения. Внутренняя синтагматическая зависимость осуществляется в основном через субъект действия, устанавливая отношения прономинальности. Грамматическое выражение связи почти отсутствует. Оппозиция дизъюнкции – основа внутренних отношений БИ. Причем, внутренняя структура повести отличается от структуры романа и рассказа: интегративно-парадигматическая когезия устанавливается наличием единого для двух ТЛ блока информации, то есть каждая второстепенная Л имеет свой связующий БИ в составе гипертемы.

Интегративно-парадигматические отношения в художественном тексте сложны и разнообразны, но именно эти отношения являются основным условием когерентности. Пересечение ТЛ, наложение информации в БИ ее маркирование – показатель не только связности произведения; это своеобразный показатель «языка» автора: авторский синтаксис, авторская грамматическая модель внутренней, понятийной структуры языка.

1. Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. М., 1982.
2. Новиков Л.А. Семантика русского языка. М., 1982.
3. Словарь лингвистических терминов. Под ред. Л.И.Тимофеева и С.В.Тураева. М., 1974.

В.В.Кузьмич (Мозырь)
СЕМАНТИЧЕСКОЕ ОБОГАЩЕНИЕ ТАКТИЛЬНЫХ
ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ КОНТАКТНОЙ ПОДГРУППЫ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ПЕРИОДА

Ряд тактильных прилагательных, входящих в контактную подгруппу, достаточно обширен: острый, тупой, мягкий, шершавый, скользкий, гладкий и др. Данные словарей показывают, что все эти прилагательные имеют в большей или в меньшей степени развитую смысловую структуру. Релевантность тактильных признаков являлась основой для формирования переносных значений у этих тактильных лексем. Даже те лексемы, которые в толковых словарях рассматриваются как моносемичные, проявляют склонность к формированию переносных значений, причем в основе метафорических смыслов лежат признаки, заложенные в семантике этих прилагательных. Так, прилагательное *шершавый* не обладает по данным словарей русского языка системой переносных значений, но проявляет тенденции к их формированию: Шарапов, поговори с ним шершавым языком плаката. (Бр. Бейнер. «Эра милосердия», М., 1976, с.53).

Мы рассматриваем семантические изменения прилагательных контактной подгруппы на материале двенадцати активных лексем данной группы: *Острый и тупой*, привлекая и другие прилагательные в качестве иллюстрации семантических процессов в русском языке национального периода. Выбор в качестве объекта исследования именно этих двух тактильных прилагательных обусловлен развитостью их семантических структур, а также наличием значительного числа потенциальных сем.

В древнерусском и старорусском языке прилагательное *острый* имело очень развитую систему значений. В словаре русского языка XI-XII веков фиксируются такие значения: 1. 'Острый, отточенный'. 2. 'Суживающийся к концу'. 3. 'Нервный, негладкий, труднопроходимый'. 4. 'Тяжкий, трудный'. 5. 'Клюки, колючий'. 6. 'Резкий, пронзительный'. 7. 'Жесткий, суровый, строгий'. 8. 'Проницательный'. 9. 'Быстрый, стремительный'. 10. 'Чуткий, внимательный'. Легко заметить, что многие из этих значений отсутствуют в современном русском языке. Некоторые из ЛСВ прилагательного *острый*, общие для древнерусского языка и языка более поздних периодов, переосмысливались. Например, значение прилагательного *острый*, которое выявляется в ЛСВ 'острое слово', в древнерусском языке было 'суровое, строгое слово', а в языке XVIII века под влиянием французского языка 'остроумное слово'.

Современная структура значений прилагательного 'острый' является результатом длительной эволюции его семантики. У этого прилагательного, по данным ССРЛЯ, насчитывается около 20 значений и оттенков значений. Они появились в разные периоды истории русского литературного языка, причем многие из теперешних полноценных значений сначала были коннотативными оттенками других значений. Смысловая структура прилагательного *острый* как, впрочем, и других прилагательных не является статичной, окончательно сформированной. Одним из факторов, влияющим на семантическую эволюцию тактильных прилагательных, является терминологизация. Развитие значений происходит, когда слово попадает в определенную терминологическую область. Например, попадая в орбиту политических терминов, прилагательное *острый* расширяет свою валентность и тем самым развивает систему значений.

Полутерминологические употребления этой адъективной лексемы можно обнаружить на страницах газет последних десятилетий, услышать в теле- и на-

Bieder Hergan (Salzburg). Zur Abrenzung der weißrussischen und ukrainischen Dialekte auf dem Gebiet des weißrussischen Westpolestiens.	3
Бандарэнка Т.П. (Минск) Граматычнае і сэнсавае дапасаванне выказніка да дзейніка – колькасна-іменнага спалучэння ў рамане І.Шамякіна.	21
Белая А.С. (Нежин) Развитие и функционирование социальной терминологии в современных языковых условиях.	27
Березин Ф.М. (Москва) К проблеме периодизации морфологических исследований в России (1880-е – 1980-е годы).	29
Бобриньева Л.И. (Минск). Учебный текст: лингвистические и дидактические особенности. (к постановке вопроса)	34
Гвоздович Г.А. (Минск) К вопросу о становлении русской лингвистической терминологии.	39
Горбачев О.Е. (Минск). Своеобразие языка произведений М.Зощенко. .	48
Горняк В.В. (Витебск). Опыт лингвостилистического анализа рассказа Ф.А.Абрамова «Старухи».	51
Добродомов И.Г. (Москва). Глоссы в «Слове о полку Игореве»	57
Жданович Н.В. (Минск). Типология индивидуально-авторских эпитетов (на материале поэтических текстов первой половины XIX века).	63
Кабелка Н.И. (Минск). Понятие слога и слоговоеделение в современном русском языке.	68
Карская Т.С. (Санкт-Петербург). О семейной жизни академика Карского. (Из воспоминаний).	72
Киклевич А.К. (Минск). Ассоциативная синтаксическая связь	76
Кудреватых И.П. (Минск). Интегративно-парадигматические отношения блоков информации в структуре художественного текста.	88
Кузьмич В.В. (Мозырь). Семантическое обогащение тактильных прилагательных контактной подгруппы в русском языке национального периода. .	95
Лаврова Н.И. (Нижний Новгород). Синтаксические идеи В.В.Виноградова в конце XX века.	99
Мечковская Н.Б. (Минск). Метаязыковые мотивы в поэтике Иосифа Бродского.	104
Мокненко В.М. (Санкт-Петербург). Из истории восточнославянских пословиц (У семи нянек дитя без глаза).	112
Пацехіна А.А. (Мінск). Аб ліквідацыі чаргаванняў у беларускім састаяўным скланенні.	117
Поляннюк З.П. (Польша). О некоторых несовпадениях значений глаголов повторно-дополнительного действия в русском и польском языках.	129
Прохорова С.М. (Минск). Анализ белорусских синтаксических изоглосс в сопоставлении с украинскими.	132
Прохорчик Л.А. (Минск). Понятие просторечия в лексикологической кон-	

цепции академиков В. В. Виноградова и Л. А. Булаховского.	141
Рабчинская И.А. (Минск). Деривационное поле предложения в аспекте деятельностного подхода к обучению.	146
Ратько Т.В. (Минск). Из истории формирования некоторых синонимических рядов русского и белорусского языков.	150
Ревуцкий О.И. (Мозырь). О восприятии поэтической метафоры студентами.	153
Рылов С.А. (Нижний Новгород). Исторический синтаксис как достижение отечественного языкознания XX века.	158
Тарасевич Т.А. (Минск). Задачи спецкурса по пунктуации.	164
Тиколович В.В. (Минск). К вопросу об этимологии и многозначности понятия "мир" в художественной системе "Войны и мира" Л.Н.Толстого. ...	167
Черняк В.Д. (Санкт-Петербург). Лексический уровень речевой культуры студента в контексте современной языковой ситуации.	169
Дымарский М.Я. (Санкт-Петербург). Единицы текстообразования в модернистском тексте.	175
Николаева О.М. (Минск). Язык Четьи 1489 г.	190
Бевзенко С.П. (Київ). З епістолярної спадщини академіка Л.А.Булаховського.	195
Франчук В.М. (Київ). Ватрослав Ягич і білоруська мова.	197